

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СОБСТВЕННЫХ ИМЕН В КОНТЕКСТЕ ИДИОСТИЛЯ ПЕРЕВОДЧИКА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА О. ГОНЧАРА «СОБОР» И ЕГО ПЕРЕВОДОВ)

© Шум О.В.*

Институт филологии Киевского национального университета
имени Тараса Шевченко, Украина, г. Киев

Статья рассматривает особенности воспроизведения при переводе имен собственных. Исследование посвящено анализу особенностей и способов передачи украинских имен при передаче на другие языки. Объектом исследования данной статьи является роман О. Гончара «Собор» и его переводы на русский, немецкий и английский языки. Исследование доказывает, что при передаче имен в иностранном языке переводчик преимущественно комбинирует существующие способы перевода для сохранения их стилистической нагрузки.

Ключевые слова: антропоним, идиостиль, имя собственное, личное имя, роман, художественный текст, теория перевода.

Последние годы языковедческих исследований характеризуются значительным интересом к переводческим студиям, значительный удельный вес среди которых составляют разведки в области переводов текстов художественной литературы конца XX – нач. XXI веков. Сейчас переводческие разведки посвящены решению значительного количества важных вопросов. В основе этих исследований лежит понимание языка как когнитивного образования, которое используется в коммуникативной деятельности (А. Белова, А. Вежбицка, А. Кагановская, Ч. Филмор). Проблемы художественного перевода исследовали М. Алексеев, А.-Г. Горбач, В. Коптилов, Ю. Левин, А. Матвишин, М. Рыльский, А. Федоров [9], А. Чердниченко и др. Значительный интерес составляют исследования вопросов идиостиля и не только самого автора, но и стили переводчика (А. Науменко [8], М. Иваницкая [6], М. Новикова).

Сейчас достаточно актуальными являются исследования литературных переводов с украинского на немецкий язык. Многие ученые рассматривают не только личности писателей и их произведения (А. Матвишин, Д. Наливайко, М. Вешняк), но и значительное внимание уделяют личности и стилю переводчика (М. Иваницкая [6], Л. Коломиец, А. Науменко [8]). Это является, на наш взгляд, на данном этапе важным для исследования переводческих отношений.

На современном этапе переводоведение занимается решением большого количества важных вопросов. Среди них видное место принадлежит ис-

---

* Аспирант, магистр.

следованию собственных имен, которые составляют значительную часть словарного состава любого языка. В Украине ономастические исследования достигли пика активного развития с середины XX века, однако были посвящены преимущественно рассмотрению реальных имен (топонимы, антропонимы, астрономы, зоонимы) [2, с. 173].

Важными, по нашему мнению, являются исследование функций собственных имен, в частности антропонимов, в художественном тексте и способы их передачи на другой язык, а также способы сохранения их стилистических функций в переводе. Самые важные научные студии в этой области ономастики принадлежат Н. Бияк [2], Л. Бархударову [1], Л. Белею, В. Галич, А. Гудманяну [3], Д. Ермоловичу [4], Р. Зоривчак [5], В.Калинкину, И. Корунцу, В. Карабану, Т. Левицкой, Г. Лукашу и А.Фитерман и др.

Для начала обозначим отличия между основными определениями:

Имя собственное (калька с лат., что в свою очередь является калькой с греч.), собственное имя – имя существительное, обозначающее слово или словосочетание, предназначенное для называния конкретного, вполне определённого предмета или явления, выделяющее этот предмет или явление из ряда однотипных предметов или явлений [14].

Личное имя – социолингвистическая единица, разновидность имени собственного, один из главных персональных языковых идентификаторов человека или какого-либо одушевлённого существа [14].

Антропоним (с др.-греч. человек и имя) – единичное имя собственное или совокупность имен собственных, идентифицирующих человека. В более широком смысле это имя любой персоны: вымышленной или реальной [14].

Проблема перевода имен и названий – актуальная и важная, по нашему мнению, как для разработки отдельной, так и общей теории перевода. Имена собственные рассматриваются в работах ученых-филологов в самых разных областях: теория собственного имени, вопрос происхождения и истории имен собственных, особенности их функционирования в различных общественных сферах.

Как отмечает в своем исследовании Н. Бияк, номинационное пространство каждого художественного произведения выстроено из антропонимов, а также неантропонимических номинаций. К литературным относят все антропонимы, которые функционируют в текстах художественных произведений, в том числе и имена исторических лиц, являющихся персонажами художественного произведения или приняты автором произведения в исторических реминисценциях для создания определенного фона – исторического, интеллектуального, эмоционального; имена реальных лиц и литературных героев, которые служат прозвищами персонажей произведения. Литературные антропонимы непосредственно связаны с художественным текстом и играют в нем важную стилистическую роль. Они содержат дополнительные конотативные компоненты семантики и характеризуют как самих персонажей, так и тех, кто их называет [2, с. 124].

В случае передачи имен собственных наиболее отчетливо проявляется тенденция к установлению эквивалентов. Существует три способа передачи имен собственных в переводе: транслитерация, транскрипция или транскрибирование и калькирование [5, с. 71]. При транслитерации иностранные имена передаются буквами алфавита языка перевода без учета особенностей произношения [5 с. 53]. Транскрипция или транскрибирование заключается в фонетической передаче имени, то есть так, как оно звучит на иностранном языке. Два указанные выше способа перевода часто объединяют под единым названием транскодирование. Согласно В. Карабану различают четыре вида транскодирования [14]: транскрибирование или транскрипция; транслитерация; смешанное транскодирование (преимущественное применение транскрибирования с элементами транслитерации); адаптивное транскодирование (когда форма слова в исходном языке несколько адаптируется к фонетической и / или грамматической структуре языка перевода). Перевод путем калькирования заключается в дословном переводе собственного имени по частям с последующим составлением этих частей в одно целое.

В лингвистике считается, что при переводе на другой язык имена собственные «переводятся» сами собой, автоматически, сугубо формально. На самом деле это не так. В ряде языковых ситуаций поведение имен собственных настолько отлично от соответствующего поведения слов других языковых категорий, что можно утверждать, что это некоторый другой, иначе устроенный язык, поддающийся переводу при помощи переводческих трансформаций и соответствующих языковых преобразований. При переводе имен собственных следует в первую очередь обращать внимание на происхождение имени. Определённую сложность вызывает выбор способа транслитерации. Мы живём в эпоху глобализации. В случае отсутствия возможности уточнения правильного варианта перевода имени у носителя имени или его представителя, следует использовать общепринятый вариант или транскрипцию имени. В данном случае конкретный способ перевода имени зависит от переводчика.

При переводе имен собственных и, в частности, личных имен важно учитывать культурную специфику конкретной страны и особенности языка перевода. Таким образом, имена исторические и всевозможные прозвища героев художественных произведений, характеризующие конкретное лицо, переводятся с сохранением семантики корневой морфемы [2, с. 27].

По мнению Л. Бархударова, перевод имен собственных в художественном тексте всегда ориентирован на достижение коммуникативно-функциональной эффективности. В таком случае принято говорить о случаях безэквивалентной лексики [1, с. 113].

Отметим, что антропонимы являются одной из разновидностей имен собственных и объединяют в себе личные имена людей, фамилии, прозвища и псевдонимы. Их воспроизведение средствами другого, в нашем случае –

немецкого, языка побуждает языковедов к более детальному рассмотрению проблемы адаптации имен.

В современной лингвистике собственные имена часто определяются как называющие лексические единицы в отличие от нарицательных слов, которые считаются обозначающими единицами. Иначе говоря, у имен собственных на первый план выступает номинативная функция – называть, чтобы отличать однотипные объекты друг от друга, в противоположность именам нарицательным, основная функция которых – называть, чтобы сообщать значение, коннотировать. Кроме того, именованья людей не являются первичными лексическими единицами по своему происхождению, так как они образованы на базе нарицательных слов [4, с. 311].

В повседневном общении и в любых контекстах, где имена собственные выполняют свои обычные функции, внутренняя форма этих слов, как правило, не воспринимается. Ею пренебрегают, так как, даже если смысл этой формы вполне ясен, ей не вменяются в речи характеристические, оценочные функции, хотя потенциальная оценочность в таких словах всегда сохраняется. Внутренняя форма остается частью собственной структуры слова, предназначенного, как уже говорилось, для называния конкретных объектов, а не для их определения через понятия и лексическое значение.

В художественном произведении антропонимы является ключевым пунктом для понимания авторского мировоззрения персонажей, характеров, атмосферы произведения. Именно поэтому они входят в лексическую систему языка как особый класс слов со специфическими признаками.

По мнению Д. Ермоловича, имена собственные – жесткие десигнаторы объектов, реализующих свой отзыв через прямую связь с предметом с помощью каузальной цепи [4, с. 12]. Итак, имена собственные входят в лексическую систему любого языка как особый класс слов, обладающих специфическими признаками. Будучи языковым фактом, имена собственные подчиняются в целом внутренним законам конкретного языка. Вместе с тем, на всех уровнях языкового анализа нужно учитывать своеобразие этих слов, как по содержанию, так и по классу.

Параллельно рассматривая вопрос собственного стиля переводчика мы опираемся на научные исследования М. Иваницкой [6], А. Науменко [9] и М. Новиковой.

Идиостиль (индивидуальный стиль), система содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих произведениям определенного автора, которая делает уникальным воплощенный в этих произведениях авторский способ языкового выражения. На практике данный термин используется применительно к художественным произведениям (как прозаическим, так и поэтическим); применительно к текстам, не относящимся к изящной словесности, в последнее десятилетие стал использоваться отчасти близкий, но далеко не тождественный термин «дискурс» в одном из его пониманий [14].

Термин «идиостиль» соотносим также с термином «идиолект». В теории художественной литературы различие между ними в общем виде состоит в следующем. Под идиолектом определенного автора понимается вся совокупность созданных им текстов в исходной хронологической последовательности (или последовательности, санкционированной самим автором, если тексты подвергались переработке). Под идиостилем же понимается совокупность глубинных текстопорождающих доминант и констант определенного автора, которые определили появление этих текстов именно в такой последовательности [14].

Понятия идиостиля и идиолекта, которые по-разному определяются исследователями и, соответственно, попадают в разные ряды соотношений с понятиями языка, текста и «языковой личности» (В. Виноградов, Ю. Караулов), находятся в последнее время в центре интереса лингвистики. Это связано с растущим вниманием, уделяемым вопросам индивидуального языкового творчества как автора, так и переводчика. Конечно, интерес к личности в языке, или к «языковой личности» сопровождал языковое творчество на протяжении большей части его истории, но доминирующим он впервые стал в эпоху романтизма, когда появились определения (В. фон Гумбольдт) и конкретные описания идиостилей [9, с. 49].

В своем исследовании, А. Науменко отмечает, что еще не так давно исследователи не придавали личности переводчика особого значения, воспринимая его просто как должное. И только в конце XIX в. немецкий филолог Ульрих фон Виламовиц-Мьоллендорфф в своей монографии о сущности перевода (1891 г.) впервые теоретически обосновал тезис, что переводчик неизбежно изменяет оригинал, потому что имеет собственное мнение о всех украшениях и недостатках. Этот тезис нашел у этого немецкого специалиста по классической филологии яркое и парадоксальное, но объективное оформление в максиме: «Сколько профессиональных переводчиков – столько же и точных переводов» [8, с. 142].

Ученый выделяет три составляющие индивидуального стиля переводчика. По мнению исследователя, переводчик как необходимый участник философско-психологического процесса восприятия оригинала как объекта окружающей среды обязательно должен присутствовать в тексте перевода. И это (т.е. переводчик как субъект восприятия) является первой составной частью индивидуального стиля переводчика, в рамках которой переводчик выступает как личность с различными ипостасями (ликами): как этнографическое, историческое, социальное, этническое и др. лицо [8].

Итак, из вышесказанного следует, что переводчик не только транслирует авторские особенности в другом языке, но и привносит в перевод собственное понимание, а следовательно – формирует собственный стиль перевода. Таким образом, согласно исследованию А. Науменку, получаем, что переводчик, кроме описанного ранее, так сказать, философского существа,

является еще и существом профессиональной, которое имеет собственные предпочтения к приемам перевода (например, выбор определенной лексики из ряда ее синонимов, использование только любимой морфологической категории или синтаксической конструкции и др.). Эти лингвистические страсти, по его мнению, являются второй составляющей индивидуального стиля переводчика. Третьей же составляющей является содержательная оценка оригинала переводчиком [7, с. 143].

Таким образом, тяготение переводчика к любому виду трансформаций авторских единиц в переводе может рассматриваться как его индивидуальная черта.

Исследуя немецко-украинские литературные взаимоотношения, М. Иваницкая приходит к выводу, что в другой культуре страну представляют не столько спорадические переводы, сколько целенаправленная работа переводчиков, обеспечивающих качество перевода и его рецепцию иноязычным реципиентом благодаря постепенному познанию литературного процесса исходной культуры [6, с. 31]. Таким образом, степень понимания перевода читателем полностью зависит от мастерства переводчика.

Иваницкая М. рассматривает точку зрения, при которой отображение чужой культуры не может быть верной репрезентацией этой культуры, а скорее является проекцией стереотипов, страхов и стремлений реципиента (в т.ч. и переводчика). В столкновении различных культур первое, что чувствуют коммуниканты – инаковость речи чужаков, а постепенно проявляется и иное восприятие мира, инаковость ценностной шкалы и т.д. Перевод призван преодолеть эту чуждость, обеспечить понимание между коммуникантами. Художественный же перевод ставит перед собой более объемное задание – представлять одной культуре продукт творчества другой, обеспечив при этом его полноценную рецепцию в новой культуре, то есть, межкультурный обмен [6, с. 32]. И здесь, по нашему мнению, возникает вопрос, может ли немецкоязычный переводчик воспроизвести в переводе все черты русскоязычного художественного произведения, полноценно воссоздав и сохранив рецепцию оригинала? В ответ на это ученая утверждает, что все же вызовом для переводчика становится не столько чужой язык с его другими языковыми парадигмами, построением предложений и глубинной структурой, сколько культурная чуждость, когда в целевом языке отсутствует определенный контекст, ситуативная черта, культурный феномен, концепт. Чужая культура и чужое мировоззрение текстуализуются и концептуализируются в тексте оригинала, в ходе рецепции переводчиком происходит смещение концептов в сторону принимающей культуры, в ходе перевода – текстуализация воспринятого и интерпретируемого переводчиком в целевом языке. Перевод можно считать конкретизацией чуждости, которая, собственно, возникает на перекрестке языков, культур или литератур [6, с. 34].

В качестве иллюстративного материала данного научного исследования мы выбрали ряд имен героев романа О. Гончара «Собор» [10] и их переводы

на немецкий [12], русский [11] и английский [13] языки. В таком же порядке подаем обозначенные примеры, которые предлагаем разделить следующим образом:

1. Сложенные имена – *Баглай-старший, der ältere Baghlaj, Баглай-старший, the older Bahlay; Иван-дикий, der wilde Iwan, Иван-дикий, Wild Ivan; Ганна-мотористка, die Hanna, die Motoristin, Ганна-мотористка, Hanna, the mechanic; Олекса-механик, Mechaniker Oleksa, Олекса-механик, Oleksa the mechanic; Баглаенко-младший, –, Баглай-младший, young Bahlay; Галька-переросток, Halka, Галька-переросток, Spinster Halka; Чечилька-байстрючка, die Tschetschil-Bankertsche, Чечилька-байстрючка, bitch Chechil; Лобода-сын, Loboda, Лобода-сын, Loboda the son; Федор-прокатчик, Fedyr dem Walzwerker, Федор-прокатчик, Fedir the roller; Скворода-философ, Skoworoda, der Philisoph, Скворода-философ, philosopher Skovoroda; Леся-фронтовичка, Lessja der Frontkämpferin, Леся-фронтовичка, Lesia the front fighter; Штереверя-взводный, Schterewerja der Hundertschaftsführer, Штереверя-взводный, Shtereveria the Platoon Commander.*

Из выше перечисленных примеров видим, что наиболее схожим с оригиналом является русский перевод. Это можно объяснить сродностью языков и языковых норм. Также следует отметить, что в русскоязычном переводе переводчик прибегает к транскрипции украинских форм имен. В немецкоязычном и англоязычном вариантах наблюдаем соблюдение переводчиками четких норм транскрибирования, присущих конкретному языку. Так, украинские *й, г, ч, я, ш* передаются через *j, h, tsch, ja, sch* в немецком языке и при помощи *y, h, ch, ia, sh* в английском. Конкретизирующие частицы-существительные идентично сохраняются в русском переводе, но подвергаются трансформациям в немецком и английском вариантах при помощи повседневных прилагательных или существительных.

2. Женские формы фамилий – *Шпачиха, die Schpatschzcha, Шпачиха, Shpachykhka; Ягориха, Jahorycha, Ягориха, –, his wife; Баглаїха, Baghlajicha, Баглаїха, Mrs. Bahlay; Ткаченчиха, die Tkatschentschycha, Ткаченчиха, Mrs. Tkachenko, Владичиха, Wladytschycha, Владичиха, Mrs. Vladyka.*

При переводе женских производных от мужских фамилий так же, как и предыдущем случае наблюдаем полную эквивалентность перевода с применением транслитерации в русскоязычном переводе. К такому же способу прибегает переводчик в немецком варианте. Что, по нашему мнению, сохраняет в переводе исходные формы оригинала, но в то же время является чуждым для читателя. Тем не менее, переводчик предоставляет в конце книги описание всех имен и фамилий и их производных. В английском же варианте наблюдаем трансформацию описания при помощи слова *Mrs.* в сочетании с фамилией. Что является нейтральным по отношению к оригиналу, но более понятным читателю.

3. Имена исторических личностей и персонажей – *Ярославна, Jaroslawna, Ярославна, Yaroslavna; Лев Толстой, Leo Tolstoj, Лев Толстой, Leo Tol-*

stoy; Махно, *Machno*, Махно, *Makhno*; Бетховен, *Beethoven*, Бетховен, *Beethoven*; Юлий Цезарь, *Julius Cäsar*, Юлий Цезарь, *Julius Caesar*; Монна Лиза, *Mona Lisa*, Мона Лиза, *Mona Lisa*; Рафаэль, *Raffael*, Рафаэль, *Raphael*; Яворницький, *Jawornytzkuj*, Яворницький, *Jawornytzky*; Мамай, *Mataj*, Мамай, *Mataj*; Кафка, *Kafka*, Кафка, *Kafka*; Лжедмитрій, *der falsche Demetrius*, Лжедмитрій, *False Dimitrys*; Ленін, *Lenin*, Ленин, *Lenin*; Сагайдачний, *Sahajdatschnuj*, Сагайдачний, *Sahaidachny*; Котляревський, *Kotljarewskuj*, Котляревський, *Kotliarevsky*; Кампанелла, *des italienischen Philosophen Thomas Campanella*, Кампанелла, *Campanella*; Чингісхан, *Dschingis-Khan*, Чингісхан, *Genghis Khan*; Король Лір, *Ein König Lear*, Король Лир, *King Lear*; Рубльов, *Andrej Rubljow*, Рублев, *Rublew*; Тарас Бульба, *Taras Bulba*, Тарас Бульба, *Taras Bulba*; Богдан Хмельницький, *Bohdan Chmielnicki*, Богдан Хмельницький, *Bohdan Chmelnytsky*; Репін, *Repin*, Репин-художник, *Repin*; Потьомкін, *Potemkin*, Потемкин, *Potemkin*; Геродот, *Herodot*, Геродот, *Herodotus*; Шевченко, *Schewtschenko*, Шевченко, *Shevchenko*; Браманте, *Bramante*, Браманте, *Bramante*; Кібальчич, *Kibaltschitsch Nikolaj*, Кібальчич, *Kybalchych*; Маркс, *Marx*, Маркс, *Marx*; Святослав Ігоревич, *Fürst Swjatoslaw*, Святослав Ігоревич, *Sviatoslav Ihorevych*; Лорка, *Garcia Lorca*.

При переводе данных названий применяется использование общепринятых в языке перевода форм, например, *Лев Толстой*, *Leo Tolstoj*, *Лев Толстой*, *Leo Tolstoy*; *Юлій Цезар*, *Julius Cäsar*, *Юлий Цезарь*, *Julius Caesar*; *Рафаель*, *Raffael*, *Рафаэль*, *Raphael*; *Чингісхан*, *Dschingis-Khan*, *Чингісхан*, *Genghis Khan*; *Геродот*, *Herodot*, *Геродот*, *Herodotus*. В некоторых случаях наблюдаем применение трансформации уточнения (добавления): *Кампанелла* (укр.) – *des italienischen Philosophen Thomas Campanella* (нем.), *Рубльов* (укр.) – *Andrej Rubljow* (нем.), *Репін* (укр.) – *Репин-художник* (рус.), *Кібальчич* (укр.) – *Kibaltschitsch Nikolaj* (нем.), *Лорка* (укр.) – *Garcia Lorca* (англ.). Как видим, к этому прибегают разные переводчики. Остальные примеры иллюстрируют прием транскрибирования украинских имен в переводе.

4 Имена библейских и мифологических героев – *Прометей*, *Prometheus*, *Прометей*, *Prometheus*; *Титан*, *Titan*, *Титан*, *Titan*; *Нефертими*, *Nofretete*, *Нефертити*, *Nefertiti*; *Пророк Ісаїя*, *Ein Prophet Jesaja*, *Пророк Исаїя*, *The prophet Isaiah*; *Герострат*, *Herostratos*, *Герострат*, *Herostratus*.

На основании данных примеров делаем вывод, что при переводе имен библейских и мифологических героев все переводчики прибегают к использованию общепринятых в языке перевода форм этих имен.

5. Уменьшительно-ласкательные формы имен – *Ганнуся*, *Hannusja*, *Ганнуся*, *Hannusia*; *Ромця*, *Romzja*, *Ромчик*, *Romtsia*; *Грицько*, *Hrytzko*, *Грицько*, *Hrytsko*; *Талка*, *Talka*, *Талка*, *Talka*; *Микольця*, –, *Микольчик*, *Mykoltsia*; *Петрұсь*, *Petrusj*, *Петрұсь*, *little Petro*; *Жаннуся*, *Jeanettchen*, *Жаннуся*, *Zhannusia*.

Для перевода большинства из вышеуказанных форм имени характерно использование переводчиками приема транскрипции, как в следующих слу-

чаях – *Грицько, Hrytzko, Грицько, Hrytsko; Талка, Talka, Талка, Talka; Ганнуся, Hannyśja, Ганнуся, Hannyśia*. При переводе украинских уменьшительно-ласкательных форм имен *Ромця* и *Микольця* на русский язык переводчик в первом случае видоизменяет форму имени на *Ромчик*, что вполне соответствует нормам языка перевода, а во втором примере транскрибирует первую часть имени и присоединяет к ней русский словообразовательный суффикс *-чик*. В результате чего мы получаем имя *Микольчик*. При переводе украинского имени *Петрусь* на английский язык переводчик отступает от ранее использованного приема транскрипции и передает его при помощи трансформации уточнения – *little Petro*. Такие переводческие приемы, по нашему мнению, не являются полными эквивалентами оригинала, но вполне адекватно его отображают в языке перевода.

Таким образом, основываясь на рассмотренную теорию и проанализированные примеры, мы считаем, что переводчики, как правило, транскрибируют при переводе имена собственные согласно нормам языка перевода, но как исключение, они могут поддаваться переводу или добавлению уточняющего слова, если название несет важное смысловое и стилистическое значение и важно не фонетическое, а смысловое воспроизведение. То есть, согласно теориям идиостиля переводчика, мы можем утверждать, что предпочтение переводчиком того или иного способа перевода является чертой переводческого стиля (идиостиля).

По нашему мнению, перспективы дальнейших исследований в данном направлении будут способствовать более глубокому исследованию особенностей идиостиля переводчика на материале текстов различных литературных жанров. Это послужит толчком к более детальному рассмотрению личности переводчика как главной составляющей процесса перевода, которая непосредственно влияет на результат перевода.

Список литературы:

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л.С. Бархударов. – М.: Межд. отнош., 1975. – 240 с.
2. Бияк Н.Я. Особливості найменувань осіб в українській художній прозі та збереження їх функцій у німецькому перекладі: дисс. ... канд. філол. наук / Прикарпатський університет ім. В. Стефаника. – Івано-Франківськ, 2004. – 208 с.
3. Гудманян А.Г. Чужомовна пропріальна лексика у фонографічній системі української мови / А.Г. Гудманян. – У 3-х книгах. – Ужгород, 1999.
4. Ермолович Д.И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи / Д.И. Ермолович. – М.: Р. Валент, 2005. – 416 с.
5. Зорівчак Р. Реалія і переклад / Р.П. Зорівчак. – Львів: ЛНУ, 1989. – 212 с.
6. Іваницька М.Л. «Своє» та «чуже» у теорії перекладу та структурі мовної особистості перекладача: [стаття] / М. Іваницька [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zavantag.com/docs/2053/index-14667-1.html>.

7. Науменко А.М. Складові індивідуального стилю перекладача: [стаття] / А. Науменко // Новітня філологія. – М., 2009. – № 13 (33). – С. 141-153. – Режим доступа: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Nevfil/2010_13/13-16.pdf.
8. Науменко А.М. Складові індивідуального стилю перекладача як чинник, руйнуючий оригінал: [стаття] / А. Науменко. // Наукові записки. Філологічні науки. – Вип. 87 (1). – 12 с.
9. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (Лингвистические проблемы). – М.: «Филология Три», 2002. – 416 с.
10. Гончар О. Собор / Олесь Гончар. – К.: Дніпро, 1968. – 240 с.
11. Гончар О. Собор / О. Гончар. – М.: Худож. лит., 1990. – 654 с.
12. Hontschar O. Der Dom von Satschipljanka. Übers.: Elisabeth Kottmeier, Egor Kostetzky / Olesj Hontschar. – Hamburg: Hoffmann und Campe Verlag, 1970. – 408 S.
13. Honchar O. The Cathedral: [Novel] / Translated by Y. Tkach and L. Rudnytzky. – Philadelphia: The St. Sophia Religious Association of Ukrainian Catholics, 1989. – 200 p.
14. Википедия. Свободная Энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wikipedia.org>.